

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Н60

Jennifer Niven
ALL THE BRIGHT PLACES

Перевод с английского *С. Алукард*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения Random House
Children's Books, a division of Random House LLC.

Нивен, Дженнифер.

Н60 Все радостные места, или Ты не виноват :
[роман] / Дженнифер Нивен ; [перевод с ан-
глийского С. Алукард]. — Москва : Издательство
АСТ, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-17-121630-6

Теодор Финч заморожен идеей смерти и постоянно придумывает все более изощренные способы ухода из жизни — но что-то снова и снова мешает ему претворить свои планы в реальность.

Вайолет Марки живет будущим, считая дни до выпускного, когда она наконец-то сможет уехать из родного города, где все напоминает ей о смерти сестры.

Когда Финч случайно встречает Вайолет на вершине школьной колокольни, именно он спасает ее от самоубийства и решает научить погруженную в боль и воспоминания девушку заново жить, надеяться и радоваться каждому новому дню.

Но сможет ли он, спасая другого, спасти самого себя?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Jennifer Niven, 2015

© Издание на русском языке AST
Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-121630-6

Мы все сломаны. И именно в местах
надломов мы часто сильнее всего.

Э. Хемингуэй

ФИНЧ И ВАЙОЛЕТ

Финч

Я снова в сознании. 6-й день

Интересно, сегодня подходящий день, чтобы умереть?

Именно этот вопрос я задал себе в утро того дня, когда очнулся. Во время третьего урока, пока мистер Шредер что-то монотонно бубнил себе под нос, а я отчаянно старался снова не уснуть. Потом еще раз, когда передавал кому-то зеленую фасоль за столом во время ужина. И еще раз уже ночью, когда лежал с открытыми глазами и не мог заснуть из-за огромного количества мыслей в голове.

Может быть, сегодня — тот самый день?

А если не сегодня, то когда?

Я задаю этот вопрос себе и сейчас, стоя на небольшом выступе на высоте шестого этажа. Я нахожусь так высоко, что мне кажется, будто я сам стал частичкой неба. Я смотрю вниз, на асфальт, и весь мир плывет. Тогда я закрываю глаза и наслаждаюсь тем, что все вокруг меня медленно раскачивается. Может быть, на этот раз я все-таки совершу прыжок — и пусть воздушные потоки унесут меня прочь. Я буду плавать в невидимом бассейне, нестись вместе с течением до тех пор, пока от мира и меня больше ничего не останется.

Я уже и не помню, как забрался сюда. И вообще я мало помню из того, что было до субботы, по крайней мере из того, что относится к нынешней зиме. Это происходит постоянно, я то отключаюсь, то снова прихожу в сознание. Я похож на

того старика, Рип ван Винкля*. Вы то видите меня, то не видите. Только не подумайте, что я привык к такой жизни, нет. Причем последний раз оказался худшим из всех. Я проспал не день или два и даже не неделю, я проспал все праздники: День благодарения, Рождество и Новый год. Не могу точно сказать, почему на этот раз все оказалось по-другому, но, проснувшись, я чувствовал себя мертвецом. Да, я очнулся, но совершенно опустошенным, как будто кто-то за это время высосал из меня всю кровь. Сегодня шестой день моего бодрствования и первая неделя после четырнадцатого ноября, как я снова хожу в школу.

Я открываю глаза. Земля на прежнем месте, такая же твердая, как и всегда. Я нахожусь на школьной колокольне. На крохотном выступе сантиметров в десять. Сама колокольня невелика. Здесь всего лишь пара метров бетонной площадки да невысокая каменная стена, служащая оградой, через которую мне пришлось перелезть, чтобы попасть сюда. Время от времени я стучу по ней ногой, дабы убедиться, что она по-прежнему здесь.

Мои руки направлены чуть в стороны и вверх, как будто я намерен прочитать проповедь, а весь этот не слишком большой и скучный городок и есть моя паства.

— Дамы и господа! — кричу я. — Добро пожаловать на мою смерть.

Вы, наверное, ожидали услышать от меня слово «жизнь», потому что я лишь недавно очнулся, но ведь я могу думать о смерти только тогда, когда не сплю. Я вещаю так же, как это обычно делает наш школьный проповедник, выкрикивая слова и выбрасывая руки вверх, отчего кажется, что и слова вылетают изо рта, дергаясь и извиваясь. Я почти теряю равновесие. Теперь я держусь за край ограды за спиной, но этого, к моему удовольствию, никто, похоже, не замечает. Поймите меня правильно: трудно сохранять полное хладнокровие,

* Герой одноименной новеллы Вашингтона Ирвинга. Имя Рип ван Винкля стало нарицательным обозначением человека, оторвавшегося от действительности. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.*

когда в это же время приходится судорожно цепляться за каменную ограду, как птенец, боящийся выпасть из гнезда.

— Я, Теодор Финч, будучи в нездравом уме, завещаю все свое имущество Чарли Донахью, Бренде Шенк-Кравиц, а также своим сестрам. Все остальные могут отправляться на... к чертовой матери.

Мама довольно рано научила нас этому слову, предупредив, что лучше его не использовать, но оно, к сожалению, прочно засело в моей голове. И хотя звонок на урок уже прозвенел, кое-кто из моих одноклассников все еще оставался на своих местах. Идет первая неделя второго полугодия последнего года в школе, но они ведут себя так, будто обучение уже закончено, и они свободны от занятий. Один из них даже смотрит вверх, как будто слышит мои слова. Другие даже не поворачивают головы. Они или вообще не замечают меня, или решили: «Подумаешь, какое дело! Это же всего-навсего наш Теодор Фрик». Потом мой одноклассник отворачивается и указывает всем остальным куда-то в небо. Поначалу мне все же кажется, что он указывает на меня, но почти в ту же секунду я замечаю ее, ту самую девушку.

Она стоит в нескольких метрах от меня, но с другой стороны колокольни, на таком же крохотном выступе, для чего ей тоже пришлось преодолеть каменную ограду. Ее светлорусые волосы развеваются на ветру, а юбка раздувается, как парашют. И хотя у нас, в Индиане, январь, она почему-то стоит без обуви, в одних колготках, а свои сапожки держит в руке, смотря то ли себе под ноги, то ли на землю. Мне трудно сказать, куда именно направлен ее взгляд. Она замерла на месте и не шевелится.

Я как можно спокойнее говорю, забыв об интонации проповедника:

— Поверь мне на слово, худшее, что ты можешь делать сейчас, — это смотреть вниз.

Она очень медленно поворачивает ко мне голову, и я узнаю эту девчонку. Я определенно встречал ее в школьных коридорах. Увидев меня, незваная гостья округляет глаза, и мне хочется думать, будто это происходит лишь потому, что я прекрасно выгляжу. Хотя, конечно, это совсем не так.

Не удержавшись, я продолжаю:

— Ты сюда часто заглядываешь? Это, можно сказать, мое место, и раньше я тебя тут не видел.

Девушка не смеется. Она даже глазом не моргнула. Просто внимательно смотрит на меня из-за стекол своих дурацких огромных очков, которые закрывают ей пол-лица. Она пытается сделать шаг назад, но тут же упирается в стену и на мгновение теряет равновесие, но не успевает впасть в панику, потому что я тут же выдаю:

— Не знаю, что привело тебя именно сюда, но лично мне кажется, что вид на город отсюда лучше, да и люди кажутся добрее, даже самые неприятные их представители. Кроме, разумеется, Гейба Ромеро и Аманды Монк, да еще разве что той компании, в которой ты сама возвращаешься.

Девушку зовут Вайолет, фамилию не помню. Она чирлидер — одна из тех популярных девчонок, кого вы никогда бы не подумали встретить на крошечном выступе на уровне шестого этажа над землей. Если бы не эти уродские очки, то она бы была прекрасна, как фарфоровая куколка. Огромные глаза, милое лицо в форме сердечка, а губы, кажется, сами собой готовы растянуться в искренней улыбке. Такие девчонки, конечно же, встречаются с парнями вроде нашего Райана Кросса, известного бейсболиста, а в столовой садятся за один столик с такой же известной красоткой, как Аманда Монк.

— А теперь давай поговорим серьезно. Мы же оказались здесь совсем не потому, что отсюда открывается великолепный вид, да? Если не ошибаюсь, тебя зовут Вайолет.

Она моргает, что я расцениваю как подтверждение.

— А я Теодор Финч. Кажется, в прошлом году у нас была одна группа по математике.

Она еще раз моргает.

— Терпеть не могу алгебру, но сюда я забрался, конечно же, не из-за нее. А если ты только из-за математики, то без обид, как говорится. К тому же ты наверняка лучше меня в ней разбираешься. Это потому, что почти все в ней разбираются лучше меня. Но я не расстраиваюсь, не обижаюсь, поскольку я гораздо лучше многих разбираюсь в других вещах, куда более важных — игра на гитаре, секс, что, правда,

уже долгое время огорчает моего отца. Вряд ли тебе придется когда-нибудь в реальной жизни использовать свои знания. Это касается математики, конечно же.

Я продолжаю болтать без умолку, хотя начинаю понимать, что запал у меня скоро закончится. Внезапно я осознаю, что мне очень хочется в туалет, и от этого моя речь становится еще более бессвязной. (Стоит запомнить: прежде чем решиться отдать Богу душу, надо непременно отлить.) К тому же начинает противно моросить. Учитывая сегодняшнюю температуру, будет дождь со снегом.

— Дождь начинается, — заявляю я, как будто она сама этого не замечает. — Наверное, в этом есть и свой плюс, поскольку он смывает кровь, и мы будем представлять собой не такие уж отвратительные лепешки, когда нас начнут отскабливать от асфальта. Но именно эта неприятная картина заставляет меня хорошенько задуматься. Я, конечно, не слишком тщеславен, но я все же человек. Не знаю, как тебе, но мне не хочется выглядеть на собственных похоронах так, будто меня пропустили через мясорубку.

Она дрожит или ее уже серьезно лихорадит — этого разобрать я не в состоянии. Так или иначе, я медленно начинаю свой путь к ней. Надеюсь, я успешно его преодолею, потому что очень не хочется упасть вниз и, таким образом, опозориться перед девчонкой.

— Лично я все решил и готов на кремацию, хотя моя мама об этом ничего и слышать не желает.

Что касается отца, то он сделает все именно так, как того потребует мама, чтобы не расстраивать ее еще больше. Вдобавок ко всему он говорил мне так: «Ты еще слишком молод для того, чтобы рассуждать на данную тему. Разве ты не знаешь, что твоя бабушка по линии Финч дожила до девяноста восьми лет? Давай больше не начинать подобных разговоров, Теодор, чтобы не волновать нашу маму».

— Вот почему меня обязательно должны хоронить в открытом гробу. А если я спрыгну, зрелище будет не из приятных. К тому же мне нравится мое лицо именно таким, как оно выглядит сейчас. Два глаза, нос, рот, полный набор зубов.

Они, кстати, предмет моей особой гордости. — На этих словах я широко улыбаюсь, чтобы она отчетливо могла видеть, что именно я имею в виду. Все должно находиться на своих местах — вот что я хотел ей сказать.

Она молчит, и тогда я продолжаю свою болтовню, не забывая при этом понемногу приближаться к ней:

— Кого мне больше всех жалко, так это гробовщика. Вот уж кому не повезет, так не повезет! Намучается парень, имея дело с таким олухом, как я.

— Вайолет! Неужели там, наверху, Вайолет?! — громко кричит кто-то внизу.

— Боже мой, — произносит девушка так тихо, что мне почти не слышны ее слова. — Боже-боже-боже.

В этот момент порыв ветра раздувает ее юбку и волосы — со стороны может показаться, будто она собралась улетать. Гомон внизу усиливается. Тогда я кричу:

— Даже не пытайся спасти меня! Ты погибнешь! — Потом очень тихо я обращаюсь к ней: — Вот что мы сейчас должны с тобой сделать. — До нее остается буквально полметра, даже меньше. — Бросай свою обувь к колоколу и сразу хватайся за ограду. Просто цепляйся за нее покрепче и тут же переноси через перила правую ногу. Поняла?

— Поняла. — Она кивает и в ту же секунду чуть не теряет равновесие.

— Не надо кивать.

— Поняла.

— Только помни, что шагать надо назад, только назад, а не наоборот. Действуй по моему сигналу. Считаю до трех.

— Хорошо. — Сапожки летят к колоколу и с громким стуком падают на бетонную площадку.

— Раз. Два. Три!

Она хватается за камень и крепко прижимается к нему, одновременно поднимая ногу и перекидывая ее через ограду, — и уже через мгновение оказывается сидящей на ней верхом. Ее взгляд устремляется вниз. Я вижу, как девчонка замирает, и снова обращаюсь к Вайолет:

— Отлично. Просто здорово. Только не надо туда больше смотреть.

Она медленно переводит взгляд на меня, потом наступает на пол колокольни правой ногой, и в этот момент я произношу:

— А теперь все то же самое проделай левой ногой. Только пока не отпускай ограду. — Ее начинает бить крупная дрожь. Слышу, как стучат ее зубы, но я продолжаю внимательно следить за ней до тех пор, пока обе ее ноги не окажутся на бетонной площадке. Все. Теперь она в полной безопасности.

За оградой я остаюсь один. Я смотрю вниз в последний раз, не обращая внимания на свои огромные ступни, которые все еще продолжают расти в длину (на мне сегодня роскошные кроссовки с флуоресцентными шнурками), на открытые окна четвертого этажа, третьего, второго... Я скольжу взглядом по фигуре Аманды Монк, которая смеется на ступеньках главного входа и трясет головой, как норовистый пони, держа учебники высоко над головой, стараясь уберечься от дождя и одновременно с кем-то флиртуя. Мой взгляд перебегает от нее на пустую землю, которая уже успела стать темной и скользкой. Я пытаюсь представить себя, лежащего на ней.

Я мог бы сделать всего один шаг. И через пару секунд все бы закончилось. Никакого больше Теодора Фрика. Никакой боли. Вообще ничего. Но нужно отвлечься от неожиданного спасения и вернуться к куда более прозаичным делам. В течение нескольких секунд мне удастся пережить задуманный финал — это удивительное спокойствие, как будто я уже умер. Я свободен и совершенно не чувствую собственного веса. Мне некого и нечего бояться, даже самого себя.

Но тут позади меня раздается голос:

— Я хочу, чтобы сейчас ты крепче ухватился за ограду и сразу же перекинул через перила правую ногу.

Вот так. Момент прошел. Он, может, и существовал, но уже прошел, и теперь все задуманное кажется глупым и бессмысленным. Пожалуй, интересно было бы посмотреть на выражение лица Аманды в то мгновение, когда я буду пролетать мимо нее. Мне даже стало смешно от этой мысли. Я начинаю хохотать так неистово, что чуть не падаю вниз, и меня это жутко пугает. На самом деле пугает! Я цепляюсь за ограду,

Вайолет хватается за меня, и именно в эту секунду Аманда поднимает взгляд на нас двоих. Она презрительно щурится.

— Вот идиот! — вопит кто-то. Группа школьников, собравшаяся возле Аманды, начинает смеяться. Сама она прижимает ладонь к губам рупором и, направив ее вверх, кричит:

— С тобой там все в порядке, Ви?

Вайолет наклоняется над оградой, не отпуская моих ног.

— Да, все хорошо!

С громким треском открывается дверь, ведущая на бетонную площадку колокольни, и появляется мой лучший друг Чарли Донахью. Чарли темнокожий, но не как в телевизоре — относительно черный, он абсолютно черный. При этом он носит фамилию, совершенно не ассоциирующуюся с цветом его кожи. В виде компенсации за это у него жуткий шрам на плече.

— Сегодня в столовку привезли пиццу, — докладывает он, словно не замечая того, что я уцепился за ограду, а мои колени отчаянно обхватывает девушка.

— И чего ты там застрял и никак не можешь довести свое дело до конца? — истошно вопит внизу Гейб Ромеро, больше известный под прозвищем Роумер, или просто Болван. Впрочем, его слова вызывают внизу всеобщий хохот.

«Да потому что у меня свидание с твоей мамашей сегодня вечером, о котором я только что вспомнил!» — хочется выкрикнуть мне, но я молчу. Хотя бы потому, что шутка больно уж плоская, да и он сам может заявиться сюда, набить мне морду и сбросить вниз. А это будет уже совсем не тот запланированный прыжок с колокольни.

Но кричу я совсем другое:

— Вайолет, огромное спасибо тебе за то, что спасла меня! Не знаю, что случилось бы, если бы ты не пришла сюда. Наверное, я был бы уже мертв.

В последний момент я замечаю внизу нашего школьного психолога мистера Эмбри. Он смотрит на меня, и у меня появляется только одна мысль: «Здорово. Просто замечательно».

Я позволяю Вайолет помочь мне перелезть через стену, чтобы очутиться наконец на бетонной площадке. Снизу раздаются негромкие аплодисменты. Но предназначены они не

мне, а Вайолет, героине дня. Теперь, когда она находится так близко, я вижу, какая гладкая и ровная у нее кожа, если не считать пары веснушек на правой щеке. Ее серо-зеленые глаза заставляют меня задуматься о падении. Они завораживают. Ее глаза такие большие, что кажется, будто видят буквально все на свете. Они одновременно и теплые, и такие деловые... Они настоящие, такие глаза заглядывают внутрь тебя, я вижу это даже через стекла очков. Сама девчонка довольно милая и высокая, но не дылда. Ноги у нее длинные, а бедра округлые, что мне особенно нравится в девушках, потому что многие из них фигурой почему-то больше напоминают мальчишек.

— Я там просто сидела... — начинает Вайолет. — На ограде. Я пришла сюда вовсе не потому, что...

— Можно тебя кое о чем спросить? Как ты считаешь, есть такое понятие, как идеальный день?

— Что?

— Идеальный день. Начало конца. Когда не происходит ничего ужасного, грустного или просто обыкновенного. Как ты думаешь, такое вообще возможно?

— Не знаю.

— А у тебя бывали такие дни?

— Нет.

— У меня тоже, но я жду и не отчаиваюсь.

— Спасибо тебе, Теодор Финч, — шепчет она. Потом тянется ко мне и целует в щеку. В этот миг я ощущаю аромат ее шампуня, похожий на букет цветов, а она продолжает говорить мне прямо на ухо: — Если ты кому-нибудь об этом расскажешь, я тебя убью.

Продолжая держать в руке свои сапожки, она торопливо убегает из-под дождя к маленькой двери, которая ведет на темную шатающуюся лестницу, ведущую в один из ярко освещенных и переполненных толпой школьных коридоров. Чарли следит за Вайолет взглядом, и как только дверь за ней закрывается, сразу поворачивается ко мне.

— Послушай, друг, зачем ты все это вытворяешь?

— Затем, что все мы когда-нибудь умрем. А я просто хочу подготовиться.

Разумеется, причина совсем не в этом, но ему будет достаточно и такого объяснения. На самом деле причин масса, и многие из них меняются день ото дня. Как, например, тот случай, когда были убиты тринадцать четвероклассников на этой неделе, когда какой-то подонок открыл пальбу прямо в физкультурном зале. Или другой пример — девчонка младше меня на два года умирает от рака. Мне еще вспоминается мужик, ни за что ни про что начавший избивать свою собаку прямо перед большим универсамом. Или взять в качестве примера моего отца...

Чарли, может, и подумает обо мне что-то неприятное, но вслух этого не произнесет. Поэтому он и считается моим лучшим другом. И кстати, кроме этого факта, нас вообще-то мало что объединяет.

Официально считается, что в школе я прохожу испытательный срок. Это произошло из-за незначительного случая, в котором были задействованы парты и школьная доска. (Кстати, для вашего сведения: поменять доску, оказывается, стоит очень дорого. Дороже, чем вы способны предположить.) Сюда же можно добавить разбитую гитару на встрече школьников, использование фейерверков в неподобающем месте, ну и парочку не очень серьезных драк, наверное. В результате я был вынужден согласиться на следующие условия.

Еженедельно посещать школьного психолога, получать оценки не ниже «хорошо» и участвовать, по крайней мере, в одном школьном кружке помимо обязательной программы. Я выбрал занятия макраме. Причин для этого было несколько. Во-первых, я не имел ни малейшего представления о том, что это такое, а во-вторых, я оказался единственным парнем среди двадцати симпатичных девчонок, что значительно увеличивало мои шансы на успех. Кроме того, я обещал прилично вести себя, аккуратно играть с другими учениками, отказаться от переворачивания парт, впрочем, как и от других выходок, связанных с применением насилия. В любой ситуации я должен был твердо помнить, что мне всегда следует держать язык за зубами и дважды подумать, прежде чем дать

волю словам. Видимо, из-за моей несдержанной речи и начинались все мои проблемы и неприятности. Если же что-нибудь пойдет не так, и я снова где-то накосячу, на этот раз меня точно исключат из школы.

Войдя в приемную перед кабинетом школьного психолога, я докладываю о своем появлении секретарю и сажусь на один из удивительно жестких и неудобных стульев, ожидая, когда мистер Эмбри освободится и сможет принять меня. Если я правильно понимаю Эмбриона (так я за глаза называю мистера Эмбри), то сейчас его больше всего должно интересовать, какого черта я забрался на колокольню и что собирался там делать дальше. Если мне повезет, у него не останется времени для дальнейших расспросов.

Через пару минут он открывает дверь и приглашает меня внутрь. Он невысокий, но очень плотного телосложения, чем напоминает маленького упитанного бычка. Как только дверь за мной захлопывается, улыбка мгновенно сползает с его лица. Эмбрион садится на свое место, зависая над столом, и начинает сверлить меня взглядом так, будто я и есть тот самый подозреваемый, которого он непременно должен сегодня же расколоть.

— Какого черта ты забрался на колокольню?

Мне нравится в Эмбрионе не только то, что он удивительно предсказуем. Он хорош еще и тем, что сразу же приступает к делу. Без лишних предисловий. Мы встречаемся с ним со второго класса.

— Мне хотелось полюбоваться оттуда видом на город.

— Ты, случайно, не собирался спрыгнуть вниз?

— Только не в тот день, когда в столовую привезли пиццу. Никогда в жизни не пропустил бы возможность съесть кусочек. Это самые лучшие дни в нашей школе. — Должен заметить, я умею уводить человека от темы. Я так натренировался в этом деле, что мог бы, наверное, защититься на данную тему. Вот только кому и зачем бы это понадобилось? Что касается меня, то этим искусством я овладел в совершенстве.

Я жду, когда психолог начнет расспрашивать меня про Вайолет, но вместо этого он говорит: